

И БУДУ ВЕК ЕМУ ВЕРНА?

ТАТЬЯНА
ПОЛЯКОВА

авантюрный детектив

Татьяна Викторовна Полякова
И буду век ему верна?
Серия «Фенька –
Femme Fatale», книга 1

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=185252
И буду век ему верна?: Эксмо; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38297-2*

Аннотация

С первого взгляда он ей не понравился. Со второго – стал раздражать. С третьего – она его возненавидела. А с четвертого – влюбилась. Как в омут с головой бросилась Фенька в новое для себя чувство. Не замечала ничего вокруг. Только бы любимый был рядом. Но на пути к счастью стоял муж. И она пошла до конца. Согласилась на все, и... мужа не стало. Фенька поймала счастье за хвост. Теперь нужно лишь удержать. А удержать не получилось. Ее возлюбленному была нужна не она...

Татьяна Полякова

И буду век ему верна?

– Только ничего не перепутай, – с серьезной миной заявила мне Юлька, вычерчивая план будущей клумбы. Я кивнула, не особенно прислушиваясь к ценным советам, уверенная, что справлюсь с нехитрой работой.

Сегодня утром мы с подружкой купили цветочную рассаду, намереваясь украсить палисадник перед ее домом. Юлька подошла к идее со всей серьезностью, мне было все равно, чем заниматься, и я охотно вызвалась ей помочь. Дом подруги находился в пригороде, в полукилометре от него начинался лесопарк, где было озеро, небольшое, но симпатичное, и я надеялась, быстро управившись с посадкой цветов, прогуляться и позагорать.

Однако не успели мы выгрузить рассаду, как Юльке позвонили, с разнесчастным видом она сообщила, что ее вызывают на работу. Ежедневный трудовой подвиг она совершала в небольшой фирме, торгующей сантехникой. Устроилась она туда года полтора назад и явно при неблагоприятном расположении звезд, потому что без ее чуткого пригляда работа там не клеилась, стоило Юльке ненадолго отлучиться, как телефон начинал звонить непрерывно. Вот и сегодня, в ее законный выходной, приехали партнеры из соседнего областного центра, и Юлькин босс решил, что ей непременно

но надо присутствовать при встрече, хотя она и не видела в этом никакой необходимости. С шефом, само собой, не поспоришь, и она засобиралась на работу, употребляя выражения, которые не пристало произносить интеллигентной девушке. Я могла бы смыться под благовидным предлогом, но цветочки было жалко, оттого я безропотно согласилась сажать их в одиночестве.

Юлька отбыла на выдавшем виде «Ситроене», а я, переодевшись в старый пляжный халат и натянув резиновые перчатки, отправилась в палисадник, на ходу изучая план и прикидывая, как половчее справиться с задачей. Тут выяснилось, что, прежде чем сажать цветы, придется клумбу вскопать. Клумба тут же показалась мне гигантской, но делать было нечего, и я вооружилась лопатой. Вскоре подошла соседка, на редкость болтливая тетка, но сегодня я была ей рада, под переливы ее звонкого голоса работа пошла веселее. Она между делом дала мне пару советов, которые шли вразрез с Юлькиными пожеланиями и оттого ценными мне не показались.

– Должно быть, дождь будет, – в заключение сообщила соседка с тяжелым вздохом, и я, запрокинув голову к небу, поспешила с ней согласиться. Она ушла, а я в хорошем темпе занялась посадкой цветов, то и дело поглядывая в сторону лесопарка, над которым нависла туча, готовая в любой момент пролиться дождем, и гадая, что случится раньше: я закончу работу или ливень начнется. В какой-то момент тучу

отнесло в сторону, клумба зазеленела, а дождь так и не пошел. Чувствуя ломоту во всем теле, я устроилась на перевернутом ведре и вытянула ноги. В душе царило умиротворение от близости к природе и лицезрения результатов своего труда. Подниматься и идти в дом не хотелось, я разглядывала строения напротив, в основном добротные коттеджи, как-то незаметно выросшие здесь за последнее время и сейчас теснившие десяток скромных домиков, построенных еще в шестидесятых годах прошлого века. Один из них принадлежал в ту пору Юлькиной бабушке, а теперь по наследству перешел к ней. Продавать его подруга не хотела, хотя у нее была квартира в центре города, а за изрядный кусок здешней земли ей предлагали огромные деньги. Юльке дом было жаль, она называла его дачей и намеревалась растить в нем своих детей, которых еще требовалось завести. Задача эта не из легких, учитывая, что на любовном фронте дела ее шли ни шатко ни валко. В общем, я сидела себе на ведре, размышляя о Юльке и ее перспективах выйти замуж, когда из-за поворота показалась спортивная тачка ярко-красного цвета и затормозила возле калитки. Я заинтересованно ждала, что будет дальше, окно со стороны водителя открылось, и я увидела блондинку со вздернутым носиком и огромными, в пол-лица, очками.

– Простите, улица Сосновая – это где? – спросила она.

– Прямо и направо, – ткнув пальцем в нужном направлении, сказала я.

Тут хлопнула дверь, и из-за машины показался мужчина. Высокий, в дорогом костюме. Стильная стрижка и темные очки. Невероятно, но в первый момент я его не узнала. Только успела подумать, что у блондинки хороший вкус.

– Прямо и направо? – насмешливо уточнил он, а у меня все поплыло перед глазами, потому что стало ясно, кто передо мной. Если он ждал, что я отвечу, то напрасно. Все силы ушли на то, чтобы с ведра не свалиться. Мужчина стоял в пяти метрах от меня, засунув руки в карманы брюк, и ухмылялся.

«Нам бы встретиться с тобой в Ницце. Я жена российского посла, и на мне роскошный туалет, бриллианты величиной с кулак, я бы взглянула на тебя и не узнала. Только у меня вечно все не так, вот сижу на ведре, в линялом халате, на ногах разбитые кроссовки, да и ноги не мешало бы помыть после недавних трудов».

– Милый, – в некотором недоумении позвала блондинка, он направился к машине, но повернулся и выдал свою лучшую улыбку.

– Значит, прямо и направо? – повторил, смеясь, я глупо кивнула, и через мгновение машина исчезла. Я смотрела ей вслед, долго смотрела, потом тряхнула головой, словно намереваясь избавиться от наваждения.

– Это он, – сказала я, самой себе не веря, еще раз тряхнула головой и добавила: – Так не бывает.

Надо было подняться и идти в дом, но сил на это не на-

шлось. Я сидела, пялилась в пустоту, а память услужливо рисовала картины прошлого, и то, что я старалась забыть, мгновенно вернулось, как будто было вчера...

Я сижу на скамейке в южном городе... да, именно там все и началось...

Я сижу на скамейке, вытянув ноги и закинув руки за голову. Небо голубое, солнце ярко светит, я стойко радуюсь жизни. А чем еще может заниматься летом на южном курорте одинокая женщина? Тем более что эта женщина я? Само собой, я довольна всем миром. Не то чтобы у меня был какой-то особый повод; если задуматься, то выходило даже наоборот, в том смысле что радоваться мне вроде бы и нечему. Я пытаюсь развить эту тему, но полуденное солнце действует на меня усыпляюще, мысли как-то странно растекаются, все, кроме одной: кушать очень хочется. В животе заурчало, и я досадливо поморщилась. Я вспомнила, что в кармане шорт у меня сто двадцать два рубля, однако жить мне на эту сумму нужно еще дня два, это в случае, если денежные переводы все-таки придут. А если нет? Этим вопросом сейчас я совершенно не хочу заниматься.

А народ, между прочим, дружно тянется к точкам питания. Пора всерьез подумать о хлебе насущном. Мимо, косясь в мою сторону, прошли два молодых человека, симпатичные, только вот радости от них нет никакой: денег у парней кот наплакал, а хлопот... Я обозрела окрестности:

такое впечатление, что на юге отдыхают только женицины. Ладно, черт с ним, с пропитанием, в конце концов, за пару дней с голоду я не умру. В животе вновь заурчало, я малодушно прикинула: а не податься ли к Валерику? Валерик – тип, который меня сюда привез, в смысле в этот самый город. Отдыхать. Мы вроде бы хотели пожениться. Не самая лучшая идея. Еще худшая – выяснять с ним отношения вдали от отчего дома. Само собой, закончилось это для меня плачевно. На счет «три» я вылетела из гостиницы без чемодана и средств к существованию. Правда, кое-какие средства у меня все же были: жизненный опыт научил хоть немного денег всегда иметь при себе. Этого «немного» хватило заплатить хозяйке за угол на три ночи и отбить телеграммы дорогим родственникам с просьбой оказать посильную помощь. Проще было бы позвонить, но объясняться с дорогими и близкими не хотелось. Телеграмма, с моей точки зрения, куда действеннее заполошного звонка. Мобильного у меня нет, так что либо гражданам придется выслать деньги, либо мучиться неизвестностью, лелея надежду когда-нибудь меня увидеть. Счастье, что я встретила добрейшую женицину – мою хозяйку. Кто бы еще пригрел девицу с придурью, зато без чемодана и паспорта? Идти к Валерику совсем не хочется. Вероятность получить назад свои вещи весьма невелика, а зануда он страшный. Когда я уже твердо решила голодать ближайшие два дня, передо мной появился роскошный «Мерседес» и плавно затормозил. Мой взгляд

замер на номере машины, и сердце сладко екнуло: прибыл этот самый «Мерседес» из моего родного города. Приятно на чужбине встретить земляка. В животе опять весьма некстати заурчало. Задняя дверь распахнулась, и появился «земляк», очень симпатичный тип, между прочим. А за моей спиной раскинулся сквер, через него пролегал кратчайший путь в забегаловку, которую местные остряки называют лучшим рестораном города. Мужчина поднялся на три ступеньки и оказался рядом со мной.

– Привет, – радостно говорю я.

Он поворачивает голову. Вид моей красной майки и шорт, на скорую руку смастаченных из старых джинсов, не производит должного впечатления. Ясное дело: о Черкизовском рынке парень никогда не слышал, а если и слышал, то вряд ли ему придет охота совершить туда паломничество. На нем брюки из льна и рубашка с коротким рукавом. Как любит выражаться моя сестрица, «в стиле неброской роскоши». Ботинки заслуживают отдельного описания, моего таланта вряд ли хватит, чтобы воздать им должное. Я смотрю на свои сланцы. Угораздило же вырядиться на момент спешного бегства от Валерика.

– Мы что, знакомы? – без улыбки спрашивает мужчина. На моей физиономии улыбка в тридцать два карата.

– Не-а, просто мы из одного города, если эта машина ваша.

– Вот оно что, – говорит он, но как-то неохотно.

Я продолжаю сиять, как электрическая лампочка, и выкладываю свой козырь:

— Меня Фенькой зовут.

— Это что, кличка?

— Почему? Это имя.

— Серьезно?

«Ты хоть улыбаться-то умеешь?» — с тоской думаю я, однако другого «обеда» поблизости не видно, и я продолжаю сиять.

— В детстве книжку про Феньку читали? Она еще керосин пила?

Через тридцать секунд он отвечает:

— Точно, и гвозди ела, — и улыбается. Улыбка у него блеск, пожалуй, не хуже моей. С этой самой улыбкой он качает головой: — Надо же, и в самом деле помню. Рассказ — нет, а про гвозди и керосин — помню.

— Это своеобразие детского восприятия, — мудро замечаю я, сдвигаюсь вправо, чтобы незнакомец мог сесть на скамейку, и он садится.

— Вас действительно так зовут? — все еще с улыбкой спрашивает он.

— Ага, мама удружила. Ей, знаете ли, не повезло. Родители называли ее Августой. Другая бы с таким именем свихнулась, а маменька выдвинула годам к двадцати пяти теорию, что только обладатель редкого имени способен стать выдающимся человеком. Меня называли Ефимией, а мою сест-

рицу Агатой. Ужас, правда?

Он смеется.

— Ну, почему же? В мыслях вашей мамы что-то есть.

Теперь он меня разглядывает. Я непроизвольно выпрямляю спину, грудь вперед, живот подбираем, впрочем, его и так нет. Улыбка моя достигает устрашающих размеров, а вот с утра надо было расчесаться. Ладно, сойдет и так. Загар у меня сногшибательный, и вообще я девчонка хоть куда, только барахлишко подкачало. Вернусь домой — выброшу его на помойку.

— Значит, вы здесь отдыхаете?

— Угу.

— Давно?

— Неделю.

— А можно спросить, с кем?

— Да ни с кем. То есть в настоящий момент я одна. Вообще-то я прибыла сюда с другом, но с ним произошла ужасная неприятность. Так что теперь мы отдыхаем врозь.

Мой земляк смотрит на часы — скромный с виду «Ролекс».

— Я собирался обедать. Как вы, составите мне компанию?

— Замечательная идея. Вы в эту забегаловку направляетесь? — Я тычу пальцем за свою спину.

— Да. Вам она не по душе?

— Да нет. Просто меня туда не пустят.

— Это мы посмотрим. Кстати, меня зовут Вадим.

– Очень приятно, – мурлычу я и двигаю рядом с Вадимом к возжеленному месту раздачи бесплатной похлебки. Взять его под руку я не решаюсь. Вадим с персоналом царственно суров, и вопрос об уместности моего присутствия среди крахмальных скатертей отпадает, не возникнув. С радостно бьющимся сердцем я утыкаюсь в меню, сообщив из вежливости:

– У меня зверский аппетит. Как насчет денег?

– О деньгах не беспокойтесь.

Я решила себя осчастливить. Через час взгляд Вадима становится изумленным, я поглощаю содержимое тарелок ритмично и не сбавляя темпа, сам он лениво ковыряет вилкой в салате. Что он там хочет найти, интересно? Я слегка расслабляюсь и начинаю к нему присматриваться.

До сих пор он был для меня абстрактным «обедом», теперь же приобретает черты симпатичного мужика, сорока с небольшим лет, крупного, холеного, с моложавым лицом и явно шальными деньгами. У него замечательная улыбка и лишних килограммов шесть, хотя живот подобран и держится Вадим молодцом.

– В теннис играете? – спрашиваю я, улыбка у меня будто приклеенная.

– Играю. А вы?

– И я. Иногда.

– Почему иногда?

– Когда деньги есть. Но их почти никогда нет.

Он смеется.

— А чем вы вообще занимаетесь? Учитесь где-нибудь?

— Побойтесь бога, — фыркаю я. — Я взрослая девочка. — За роскошный обед я чувствую себя слегка ему обязанной и сообщаю в порядке ценной информации: — В родном городе я служу на телевидении. Передачу «Каждый день» смотрите? Вот, я как раз помогаю ее готовить. — В том, что я говорю, есть доля правды, последняя запись в трудовой книжке тому свидетель, хотя я до сих пор не пойму, в чем, собственно, заключалась моя работа. Помнится, я резво бегала по этажам и заваривала кофе на всю братию. Но чаще всего пристраивалась в каком-нибудь уголке с книжкой в руках, от души надеясь, что обо мне никто не вспомнит. В общем, мои знания, умения и опыт там совсем не пригодились, но Вадиму сообщать об этом ни к чему.

— Интересная у вас работа, — говорит Вадим, видимо имеющий смутное представление о службе на телевидении.

— Ага, — радостно соглашаюсь я. — А вид у меня несерьезный из-за этих идиотских шорт и майки. К сожалению, вещи остались у моего друга.

— Кстати, что за неприятность с ним произошла? — спрашивает Вадим.

Я улыбаюсь еще лучезарней, если это вообще возможно.

— Он со мной поссорился. И теперь живет с моим чемоданом и паспортом, а я — с майкой и шортами. Правда, у меня еще есть купальник, без него жизнь на юге чрезвычай-

но тосклива. Как вы считаете?

Вадим смеется.

— Ясно. А я удивился вашему аппетиту. Ничего, что я об этом говорю?

— Ничего. Я беру пример с шотландских горцев, они едят впрок все, что дают, зато потом живут как верблюды.

— У вас есть какие-то родственные связи с шотландскими горцами? — ухмыляется Вадим.

— Нет, просто любовь к приключенческой литературе. Сразу видно, что в детстве вы не читали Вальтера Скотта.

— Я не большой знаток литературы. Значит, вы любите приключения? И часто вы оказываетесь вдали от дома без чемодана и паспорта?

— Впервые. Обычно мне везет.

Я к этому моменту съела все, что могла, усладила слух Вадима интересной беседой, и по всему выходило, что мне пора двигаться к выходу, о чем я изысканно намекнула. Намек был понят, и мы быстренько очутились на улице возле серебристого «мерса». Тут вышла заминка: Вадим, видимо, гадал, что со мной делать дальше. Сама я с удовольствием соснула бы часика полтора после такого плотного обеда, а в четыре отправилась бы на пляж.

— Что ж, — бодрым голосом говорю я. — Спасибо вам большое, встретимся в родном городе — обед за мной.

— Я могу что-то для вас сделать? — вежливо спрашивает

Вадим.

– Нет, все в порядке. – Сейчас у меня одно желание: поскорее от него избавиться.

– Какие у вас планы? – опять спрашивает он, видимо так и не решив, как со мной поступить. Я сообщаю о своих планах. – Тогда, может быть, я отвезу вас домой?

Перспектива тащиться по жаре пешком меня не очень-то прельщает, и приглашение Вадима оказалось весьма кстати. Я сажусь рядом с ним на заднее сиденье «Мерседеса». За рулем молодой парень бандитского вида бросил на меня косой взгляд и хмыкнул. Само собой, ему все ясно. В другое время я его непременно бы озадачила, но после обеда я дружу со всем миром, и его хмыканье меня не волнует. Через пятнадцать минут мы оказываемся возле моего жилья. Вадим с сомнением смотрит на весьма ветхое строение за шатким забором.

– Значит, здесь вы и живете? – говорит он голосом человека, обнаружившего в клетке таракана.

– Побойтесь бога, – отвечаю я. – Кто ж меня в дом-то пустит? Во дворе есть два сарайчика. В одном из них стоит моя раскладушка. Привет.

Я выкатываюсь из машины, машу рукой и скрываюсь за забором. Во дворе за столом соседи играют в карты. Их пятеро: трое парней и две девчонки. Девчонки в префферансе сущие дуры, и мое появление вызывает оживление у мужиков.

– Фенька, садись четвертой!

Себя я считаю непревзойденным игроком в преферанс. Играть без ставок, просто для удовольствия, оттого приглашение я принимаю.

— Мы здесь место нашли — закачаешься, — сообщает Наташка, занятая нанесением боевой раскраски на физиономию. — И народу ни души. Поедешь вечером с нами купаться? Я пожимаю плечами.

— Посмотрим.

К вечеру начался дождь, ребята отправились в клуб, а мне в голову пришла бредовая идея прогуляться по набережной. Дождь перешел в тропический ливень, я рванула к дому со скоростью локомотива, при этом сланец с моей левой ноги соскользнул, смешно хрюкнул и, подхваченный потоком, нырнул в люк для стока воды, который, само собой, оказался без решетки. С любопытством заглянув в черную дыру колодца, я мысленно шепчу «это судьба» и бросаю туда второй сланец. Вечер выдался явно неудачный.

На следующее утро я встаю ровно в семь и умываюсь во дворе, плеснув в чугунный умывальник воды из колонки. На крыльце появляется хозяйка, святая женщина по имени Маша, и говорит:

— Фенька, вымой окна в доме, обедом накормлю.

Я вооружаюсь ведром и тряпками с приятной мыслью, что бог есть и он меня любит. К десяти часам работа выполнена с присущим мне блеском. Я подтираю полы и выхожу в сад, чтобы выплеснуть воду. Возле калитки тормозит

«Мерседес». Это для меня неожиданность, правда, я ничего не имею против неожиданностей, если они приятные. Появление Вадима из категории приятных. Я висну на заборе и говорю:

– Привет.

– Привет, – отвечает он, а я тем временем вспоминаю, расчесалась ли с утра, и пытаюсь представить, как выгляжу. Наверное, все-таки неплохо, потому что на лице Вадима ничего, кроме удовольствия от созерцания моей особы, не замечаю.

– Как дела? – говорит он, видимо, чтобы что-то сказать.

– Нормально. Обеспечила себя обедом.

– Жаль. А я рассчитывал, что мы пообедаем вместе.

– Я бы с удовольствием, но мой скромный туалет лишился весьма существенной части.

– Купальник потеряла? – смеется Вадим.

– Бог миловал. Лишилась обуви... – Я демонстрирую свою голую пятку, надо признать довольно грязную.

– Это не проблема, – вновь смеется Вадим, по всему видно, что у человека хорошее настроение.

Я появляюсь из-за забора и беру его под руку. Мы не спеша идем по нашей улочке, а серебристый «Мерседес» едет сзади, тоже не спеша. Я чувствую себя супругой президента.

– Фенечка, – говорит Вадим, – а почему бы нам не отправиться к вашему другу и не забрать вещи?

– У него характер скверный, – отвечаю я. – К тому же я

не уверена, что он все еще здесь.

– Ну, так давайте проверим.

Через полчаса мы уже в гостинице, я двигаю по ворсистому ковру коридора рядом с Вадимом и его шофером Сереей. Валерка встречает нас в купальном халате. Вадим ловко оттирает его плечом от двери, и мы проникаем в номер. С чувством глубокого удовлетворения я вижу свой чемодан, сиротливо стоящий у стены. А я-то думала, что он плещется в нейтральных водах Черного моря. Лицо у Валерки злющее-презлющее.

– Я тебя искал, – говорит он.

Я выдаю самую ослепительную улыбку из своего арсенала.

– Я за вещами.

– А это кто?

– Друзья.

– Так, – голос Валерки похож на раскат грома, – уже пристроилась.

– Сереежа, возьми чемодан, – приказывает Вадим, а я, оставаясь на безопасном расстоянии от своего бывшего друга, прошу:

– Паспорт верни.

– Он в чемодане.

Я качаю головой:

– Не пойдет. Повода появиться в родном городе в моей квартире у тебя не будет.

Валерка, заметно нервничая, извлекает из ящика стола бумажник, а из него мой паспорт. Все-таки он очень разозлился, потому что швырнул паспорт на пол. Меня такие вещи трогают мало, и, сказав «спасибо», я грациозно наклоняюсь, но Вадим меня опережает. С видом бывалых гангстеров мы покидаем гостиничный номер.

Возле машины я открываю чемодан: все вещи на месте, деньги целы, я издаю победный клич команчей. Пока я развлекаюсь таким образом, Вадим, сидя рядом с шофером, изучает мой паспорт. В разделе для особых отметок стоит свеженький штамп о моем последнем разводе. Слава богу, что я поменяла паспорт, обилие штампов, как правило, производит удручающее впечатление на граждан.

– Интересно? – спрашиваю я.

Вадим смотрит с ласковой улыбкой.

– Знаешь, я рад, что ты в самом деле Фенька и в самом деле из моего родного города.

Ясно, значит, до сих пор у него были сомнения. Я не люблю оставаться в долгу и заявляю:

– Я рада, что ты рад, это первое. Теперь второе: я приглашаю тебя в ресторан. Вроде бы я твоя должница.

– Что ж, приглашение принято. – Он протягивает мне паспорт. – Держи, Ефимия Константиновна.

– Ага, – киваю я. – Правда, меня так никто не зовет. Фенька я.

Обедаем мы по-европейски поздно. Вадим ждет в машине, пока я привожу себя в подходящий случаю вид. Одеваюсь я долго, минут сорок, беготня в драных шортах заметно сказалась на моей квалификации. Однако результаты все-таки неплохие, потому что мой выход из сарайчика сопровождается изумленным свистом любителей префферанса. В ответ я, проходя мимо, демонстрирую пару движений, которые считаю танцевальными, а мой папа неприличными. Вкусы у нас разные.

Вадим выходит из машины. Я довольна произведенным эффектом, мое ярко-желтое платье нанесло очередной сокрушительный удар.

– Фенечка, – говорит он. – Никогда не думал, что одежда способна так изменить женщину. – То, что на мне полкило косметики, он вроде бы не замечает. – Ты и в шортах выглядела потрясающе, но сейчас... у меня нет слов.

– В хороших тряпках любая женщина чувствует себя немного королевой.

Мы садимся в машину, и я минут двадцать читаю лекцию о женской психологии, выдавая чужие мысли за свои. Трепаться я умею, это единственное, что я делаю почти профессионально. Серезжа больше не хмыкает, физиономия у него грустная – надо полагать, у парня голова разболелась от большого количества незнакомых слов. Вадим шарит по мне глазами, мои внешние формы интересуют его несравненно больше внутреннего содержания.

В ресторане я продолжаю демонстрировать хорошие манеры и глубокий ум. На мой вкус, в этой забегаловке нет женщины красивее меня. Надеюсь, все это уже поняли. Вадим смотрит с заметным волнением. Однако я еще не успела очухаться от недавнего романа и заводить новый не испытываю ни малейшего желания. Поэтому твердо следуя намеченной линии добрососедских и дружеских отношений. В словесных баталиях я поднаторела несравненно больше Вадима, и он, как ни старался, сбить меня с занимаемых позиций не смог, потому в десять минут первого жмет мне руку возле моего жилища настойчиво, но вполне пристойно. Мой папа был бы доволен.

*В девять утра меня нагло расталкивает Наташка:
– В дельфинарий с нами поедешь?*

Я вспоминаю, что очень люблю морских котиков, и соглашаюсь. Пока пять человек дружно подгоняют меня воплями, я натягиваю белую юбку, зеленую футболку, собираю волосы в хвост над левым ухом и люблюсь на себя в зеркало. Жизнь на юге мне по душе.

В дельфинарии, помимо дельфинов, есть два морских котика, и в тот момент, когда я на них пялюсь, моя красота больно ранит местного секс-символа, который вместе с дельфинами резвится в бассейне. В перерыве он подходит ко мне и предлагает ближе узнать его и котиков. Пока я решаю, принять это щедрое предложение или нет, Наташка

увлекает меня подальше от мощного торса и ослепительной улыбки. Из зависти, само собой. Я скалю зубы, ем мороженое и много болтаю. В общем, развлекаюсь на всю катушку. Домой приезжаем в восемь вечера.

– Фенька, – говорит хозяйка, – тебе переводы пришли. Я их уже получила.

Забота родственников навеивает сентиментальные мысли о родном доме. Переводов три. От папы (весьма щедро, мама, скорее всего, морила лоб и говорила: «Ох, Костя»), от сестрицы, которая отсыпала монеты недогнущей рукой, точно зная, что надо женщине на юге, и пять тысяч от мужа-летчика. Бедняга, видно, страшно страдал с перепоя и не все уразумел, однако постарался, на почти сбегал. Мой последний дражайший супруг вместо денег прислал телеграмму: «Что случилось, я беспокоюсь». Я одариваю Машу за хлопоты и добрую душу и получаю дополнительную информацию:

– Твой мужик на «мерсе» был. Три раза. Сказал, завтра заедет.

Я прикидываю, нравится мне это или нет. Выходит, что мне все равно. Чувствуя себя сказочно богатой, отхожу ко сну.

В 8.30 Вадим уже возле моего дома. Улыбается, но в глазах недовольство. Вот так всегда: один раз обедом накормят, а потом из дома не выйди. Я держу эти мысли при

себе.

– Как отдохнула? – спрашивает он.

– Нормально, – пожимаю я плечами и решаю сказать ему приятное: – Правда, без тебя было скучновато.

– Мне тоже. Если тебе так хотелось в этот дельфинарий, стоило только сказать.

Этот день и четыре следующих мы с утра до вечера вместе. Обширная культурная программа идет полным ходом. Я демонстрирую эрудицию, особенно, правда, не увлекаясь: большие знания женщин вызывают у мужиков обоснованное беспокойство. У бедного Сережи не закрывается рот. Вадим все чаще держит меня за руку и как бы ненавязчиво обнимает, однако я не даю заманить себя на стезю разврата.

– Фенечка, – говорит Вадим, – почему бы тебе не переехать в гостиницу?

– Зачем? Мне здесь нравится.

– Шутишь? По-моему, это место для тебя совершенно неподходящее. Если гостиница тебе не по вкусу, можно снять квартиру.

Я отвечаю в том духе, что сарайчик – предел моих мечтаний, и с соседями мне невероятно повезло, они поддержали меня в годину испытаний, и теперь оставить их было бы верхом неблагодарности.

Сережа внезапно обретает голос и наставительно шепчет:

– Чего ты дурака валяешь? Вадим хороший мужик, и денег у него до черта.

Наконец и сам Вадим вечером в ресторане, глядя в мои прекрасные глаза, делает мне вежливое, но откровенное предложение. Жизнь на юге начинает действовать на нервы. Я откидываюсь на спинку стула и делаю грустно-ласковое лицо. После минутной заминки говорю:

– Вадим, у тебя дома, наверное, жена и двое детей, которых ты очень любишь.

– С чего ты взяла? – спрашивает он.

– Ты хороший человек, и все у тебя должно быть хорошо. Следовательно, есть жена и дети. Ну и зачем тебе я, скажи на милость? Я не гожусь для курортных романов. Прости меня, ладно?

Он вроде бы простил, но попыток толкнуть меня на путь греха не оставляет. Я проявляю завидную стойкость.

В конце недели мы расстаемся, Вадим рано утром уезжает домой.

– Кстати, – спрашиваю я, – почему ты приехал на машине?

– Ненавижу самолеты. Служил в десанте и решил: если жив останусь, близко к самолету не подойду.

– Поезда тоже ненавидишь?

Он смеется, обнимает меня. Мы прогуливаемся по улочке, «Мерседес» стоит возле калитки. Я пишу свой адрес, Вадим – свой телефон.

— У тебя действительно нет мобильного? — с сомнением спрашивает он. — Хочешь, подарю?

— Блага цивилизации лишают человека свободы, — ухмыляюсь я.

Он опять обнимает меня и говорит:

— Поедем со мной. Ну что тебе эти три дня?

Я качаю головой:

— У меня билет. Поеду поездом. Увидимся дома, хотя, может, ты и не захочешь.

— Желал бы я знать, чего хочешь ты.

— Господи, да этого даже я не знаю.

Прощание наше трогательное и довольно продолжительное. Под конец, явно испытывая некоторую неловкость, Вадим извлекает из машины два объемных пакета.

— Это тебе на дорогу, — говорит он. — Ешь регулярно и постарайся не потерять чемодан. До встречи.

Он машет рукой и хлопает дверцей «Мерседеса», я с пакетами остаюсь посреди улицы. Когда машина сворачивает за угол, я кидаюсь вдогонку, голос мой способен поднять мертвого. Вадим оказывается рядом, а я пытаюсь подобрать слова.

— Извини, — говорю я. — Наверное, это глупо... — Я и в самом деле чувствую, что веду себя по-дурацки. — Я хотела сказать тебе спасибо. Ну, за то, что ты купил все это, не предложил мне деньги, а купил, и вообще... Мне будет очень плохо, если в родном городе ты меня забудешь.

Наши объятия и прощальный поцелуй ничего общего с братскими не имеют.

Родной город встречает меня ужасной жарой. Само собой, такси поймать не удастся, я еду с чемоданом в битком набитом троллейбусе, футболка липнет к телу, и от запахов кружится голова. Вываливаюсь на своей остановке и, удивляясь собственной живучести, плетусь к дому. Лицо у меня горит, дыхание прерывистое, а настроение ни к черту. И это называется вернуться домой! Взбираюсь на второй этаж, отпираю дверь и оказываюсь в своем коммунальном раю. Дражайших соседей не наблюдается. Их у меня двое: Дуся, еще ничего себе эсеница неопределенного возраста и занятий, с хронической мечтой о замужестве, и покинутый женой алкоголик, по совместительству слесарь нашего ЖЭКа Петр Алексеевич, он регулярно свинчивает кран в ванной на очередную опохмелку. Ванная ассоциируется у него с буржуазной роскошью, и убедить его оставить кран в покое совершенно невозможно. В двери моей комнаты торчат три записки. От папы: «Ефимия, как только приедешь, сразу же зайди домой. Сразу же». Ясно, мне предстоит допрос с пристрастием. Вторая записка: «Фенька, где ты? Я скучаю». Само собой, это муж-летчик. И третья: «Эффи (последний муж, Олег Викторович, зовет меня на европейский манер), позвони, как приедешь, очень волнуюсь».

Я бросаю чемодан и двигаю в ванную, сердце замирает в

недобром предчувствии. Однако кран на месте, я лезу под души, испытывая к Петру Алексеевичу благодарность, граничащую с обожанием. Души поднял мне настроение, я завариваю чай и пою. Громко, тихо петь я не умею. Попутно выясняю, что Петр Алексеевич съел весь запас макарон, которые я по неосмотрительности оставила в кухонном столе. Слава богу, до холодильника в комнате он не добрался. Пока я пью чай, появляется он сам с радостной улыбкой на багровом лице.

– Здорово, Фенька! – орет сосед. – Приехала? Заждались, заждались. Отдохнула, значит? Красавица. Как жизнь на курорте?

Я рассказываю про жизнь на курорте, а Петр Алексеевич одобрительно кивает.

– А сувенир мне привезла? – спрашивает он.

– Нет, – потерянно отвечаю я.

Лицо его становится обиженным.

– Вот так, ждешь ее тут, ждешь, а она нет чтобы о соседе подумать, мол, ожидает человек и все такое. Красивая ты баба, Фенька, а дура душой, без понятия, вот от тебя мужики-то и бегают. А я ждал, кран вон в ванной поставил.

Мне мучительно стыдно, я иду в свою комнату, Петр Алексеевич двигает за мной, перечисляя мои грехи. Я вспоминаю, что денег у меня вполне достаточно, и решительно жертвую на восстановление моей пошатнувшейся репутации.

— Мин хери, — проникновенно говорю я, — может, ты сам себе сувенир купишь, друг сердечный?

Лицо сердечного друга враз меняется.

— Фенька, ты человек. А я твои макароны съел. Сейчас за бутылкой сбегая. Дуська скоро явится, посидим как люди. Дай тебе бог здоровья и мужика хорошего.

— Двигай, Петр Алексеевич, потом доскажешь.

Он исчезает, зато с интервалом в пять минут появляется Дуся.

— Фенька, — после приветствия спрашивает она, посверкивая лихо подведенными глазами, — ты Петьке на бутылку дала? Задолбал меня своим пьянством. Он тут без тебя едва не помер. Какую-то дрянь выпил. «Скорую» вызывали.

Я прикидываю, мог ли Мин хери в самом деле выпить какой-то дряни, приняв ее за целебную жидкость, или соседка слегка преувеличивает. По всему выходит, что мог. Я отыскиваю в шкафу шарф, подаренный мне матушкой года два назад, и дарю Дусе, нагло выдавая за сувенир с юга. Она любезно сообщает, кто домогался встречи со мной в мое отсутствие, а также подъездные, дворовые и городские новости.

К вечеру, наведя порядок в комнате и разобрав чемодан, я валяюсь на кушетке и прикидываю, когда следует появиться у родителей. Хотя папа дважды написал фразу «сразу же», в отчий дом я не спешу — в конце концов, никто не знает (никто, кроме Вадима, кстати), когда я приеду, так

что денька три можно потянуть. Грехов у меня накопилось множество, на ласковый прием рассчитывать не приходится. Надо сказать, родители меня не особо жалуют, что неудивительно, ведь я та самая паршивая овца, которая, как известно, все стадо портит.

В «овцах» я начала ходить с шестого класса, с тройки по физике. Родители почувствовали себя обманутыми, все силы семьи были брошены на ликвидацию сего позорного факта биографии, но тройка прочно утвердилась в моем дневнике. Чего только не делал бедный папа: часами сидел рядом со мной, терпеливо пересказывая параграф за параграфом, купил «Занимательную физику» в трех томах и с сияющими глазами, листая страницы, говорил:

– Замечательно интересно.

Ничто не помогло. Физика по-прежнему вызывала у меня смертную тоску. Из уважения к родителям тройка, стараниями классной руководительницы, сменилась на четверку, но мысль о моей непутевости уже свила гнездо в головах родителей. В восьмом классе я бросила музыкальную школу. Такой поступок, по мнению мамы, приравнивается к измене родине. Со мной перестали разговаривать. Однако я стояла насмерть, и папа удрученно за–явил: «Августа, это бессмысленно, бог с ней, с музыкой». Так что пока сестрица Агата, радость родителей, громыхала Шопена, словно намереваясь поднять его из могилы, я на скамейке под липой в компании шпаны дворового масштаба пела под гитару

«Что же ты грустишь, моя девчонка...», что в глазах моих родителей и Агаты было чистой уголовщиной.

В одиннадцатом классе я нанесла очередной удар родительскому самолюбию. В нашей семье в обозримом прошлом все были юристами или, на худой конец, военврачами. С девятого класса во мне зрела мечта, ничего общего с традициями семьи не имевшая, хотя ума хватало о ней помалкивать. Но когда настал черед подачи документов в вуз и родители уже видели меня студенткой юрфака, я с улыбкой заявила, что поступаю в археологический. На сей раз даже папа, обладавший завидным здоровьем, схватился за сердце. Я улыбалась и вновь стояла насмерть, являя собой пример несгибаемого мужества. Первым сдался отец. «Августа, это бессмысленно», – в очередной раз сказал он, мама всплакнула, а я отправилась в Москву, что само по себе было для родителей страшным несчастьем: чужой город, полный соблазнов. В институт я благополучно поступила и проучилась два семестра. Родители не оставляли попыток меня образумить, к счастью, сестрица Агата выполнила отеческую волю и к тому моменту уже четвертый год училась на юрфаке.

Весной у меня случился роман с одним из преподавателей. Поначалу мы обменивались томными взглядами, далее пошли робкие знаки внимания, потом... Потом вышел конфуз. То есть сначала все шло как положено. Виктор Владимирович, симпатичный и веселый дядька, пригласил меня на дачу. Я, обладательница сексуального опыта, почерпнутого в

общаге, трепетно устремилась к лучшей жизни. То ли Виктор Владимирович очень волновался, то ли он жене давно не изменял, но из поездки за город ничего путного не вышло. На моего любовника без слез смотреть было нельзя: греческая трагедия, да и только. Само собой, я почувствовала себя виноватой. Находиться с ним в стенах учебного заведения, зная, что каждый день он вновь и вновь испытывает унижение при встрече со мной, было невыносимо. Я бросила институт и вернулась домой, истинную причину своего разочарования в археологии так и не открыв. В том же году я поступила на юрфак. Счастью родителей не было границ, и хоть тельца по сему поводу не резали, но знаки внимания оказывали царские, даже жаль стало сестрицу Агату, которая жила ласковой Золушкой.

Однако не успели родители за меня порадоваться, как на одной из студенческих вечеринок я встретила Димку Прохорова, звезду российской журналистики (конечно, будущую). Мы полюбили друг друга, и жизнь на юрфаке показалась мне прес-ной. Димка огорошил меня колоссальными планами, в которых мне отводилось почетное место. В результате я, по мнению родителей, сделала сразу две глупости: вышла за Димку замуж и подалась на факультет журналистики. Мнение родителей волновало меня мало, я слушала Димку, открыв рот и уши. Говорил он много, увлекательно и страстно. Особенно о личной свободе. На восьмом месяце совместной жизни, обнаружив второй раз под-

ряд в собственной постели подругу, я почувствовала, что личная свобода мужа меня изрядно тяготит, и отбыла к родителям. Его попытки договориться со мной ничего не дали, мама высказала Димке мнение семьи о его личности, и брак распался. Теперь Димка – редактор нашей местной газеты, солидный мужик, отягченный семейством: женой, двумя детьми и тещей, прожектов он больше не строит, но бабник по-прежнему страшный.

После развода я поняла, что самым интересным в журналистике был Димка с его немыслимыми идеями, и вернулась на юрфак, в основном чтобы сделать родителям приятное. Примерно тогда в жизнь мою пожаром в прериях ворвался летчик, красавец, с улыбкой Тома Круза и мозгами динозавра. Когда Лешка умудрялся летать, не знаю, потому что пить он начинал с утра. Впрочем, находясь в подпитии, был мил, весел, играл на гитаре, пел со слезой «Не жалею, не зову, не плачу...» и каждый свой рассказ начинал со слов «однажды мы попали в переплет...», далее следовало описание героических будней с бреющим полетом и ураганным огнем, хотя ни того ни другого Лешка в глаза не видел, так как служил под началом своего папеньки-генерала.

Брак наш был веселым и суматошным, бесконечные вечеринки и знойные объятия. В отличие от первого мужа Лешка оказался верным супругом, однако слушать его более пятнадцати минут кряду было невозможно. Ко всему прочему он имел пагубную привычку раскатывать во хмелю по

городу на своем выдавшем виды джипе, и непременно чтоб я была рядом. Гонял он как угорелый, радостно ржал, выптывая кренделя на дороге. Убедив себя, что добром это не кончится, я покинула рыдающего Леику и вновь оказалась в родительском доме. Леика в моем семействе воспринимался божьим наказанием, развод папу с мамой порадовал.

Вскоре в нашем доме частым гостем стал Перфильев Олег Викторович, в ту пору заместитель начальника следственного комитета, сын матушкиной подруги по университету. Поначалу родители прочили его Агатке, которая вызвала у них смутное беспокойство своей крайней деловитостью и отсутствием мужиков вообще. Однако Олег Викторович оказался с изъясом, потому что неожиданно обратил свой взор на меня. Родители благоговейно задержали дыхание. Агата, которая лихо брала первые высоты карьеры, могла подождать, а меня надо было срочно пристраивать. Олег Викторович по всем правилам просил моей руки и получил согласие и родительское благословение. Я мудро рассудила, что, дважды выйдя замуж самостоятельно, в третий раз не грех послушать родителей, может, толку от этого будет больше. Толку не было вовсе. То есть жили мы вполне пристойно, купили квартиру, обставились, на день рождения муж подарил мне машину, а на Восьмое марта — шубу. Но скука с Олегом Викторовичем была смертная, и он продержался даже меньше бабника и летчика.

Возвращаться под родительский кров мне не хотелось, я

набралась наглости и разменяла общую с мужем квартиру на однокомнатную и комнату в коммуналке. И дураку было ясно, что человек его положения в коммуналке жить не может, оттого в коммуналку заселилась я. Впрочем, здесь мне нравилось: второй этаж, комната большая, балкон и соседи – душевные люди.

Один из душевных людей вскоре появился. Петр Алексеевич был весел, жаждал общения, а потому без конца ставил на плиту чайник и орал:

– Фенька, давай чай пить.

Очередной вопль прервал звонок в дверь. В надежде, что это друзья-алкоголики с добычей, Петр Алексеевич кинулся открывать, но через пару минут заглянул в мою комнату и заговорицки сообщил:

– Фенька, к тебе мужик.

Распахнув дверь, я увидела Вадима.

– Привет, – говорю я, Мин херц пританцовывает рядом.

– Гость к тебе, Фенечка, – радуется он. Вадим молча выдает ему две банкноты, и Петр Алексеевич, радостно взвизгнув «я мигом», исчезает.

– Садись, – говорю я.

Вадим устраивается в старом кресле, с сомнением его оглядев и не догадываясь, что это практически антиквариат. Уныло осматривает мою комнату. А я-то ею гордилась, к тому же сегодня еще и полы помыла. Однако, взглянув на нее глазами Вадима, я вынуждена признать некото-

рую ее убогость. В общем, мой коммунальный рай произвел на гостя тягостное впечатление.

— Значит, здесь ты и живешь? — спрашивает он.

— Ага. Хорошо у меня, правда?

— Да, — как-то без энтузиазма говорит он. — Уютно. А это твой сосед?

— Точно. Милый, да?

Вадим смотрит на меня не меньше минуты.

— Фенечка, тебе в самом деле это нравится?

— Ну, ты же не знаешь, где я раньше жила.

— Извини, — говорит он. — Как-то мы не так встретились.

Взгляд его натывается на три фотографии, вывешенные на стене. Это мои мужья, этапы большого пути, так сказать. Я ожидаю вопроса, но вовсе не того, что последовал.

— Как доехала? — говорит Вадим. — Чемодан не потеряла?

— Нет, все нормально. Даже странно. Должно быть, встреча с тобой так подействовала, внесла в мою жизнь необходимое равновесие.

— А я скучал, думал о тебе.

Я пытаюсь вспомнить, думала ли я о Вадиме, выходит, что нет. Однако иногда и соврать не грех, потому я говорю:

— Я тоже скучала.

— Может, поцелуешь меня по случаю встречи? — улыбается он.

— Это моя мечта, — смеюсь я. Лед сломан. С полчаса мы мило болтали, пока Вадим не поинтересовался:

– Как у тебя с аппетитом?

– Как у шотландского горца.

– Тогда одевайся, поедем ужинать.

Я прикидываю, выставить мне Вадима из комнаты или нет, но тут вернувшийся Петр Алексеевич затянул «А за окном пушистая белая акация...», и я решаю, что им с Вадимом лучше не встречаться. В общем-то, особой стеснительностью я не страдаю и, продолжая болтать, готовлюсь к торжественному ужину.

Ужин проходит прекрасно, при свечах и с неизменным «Мерседесом» у крыльца. Однако мы не засиживаемся, и вскоре машина тормозит у моего подъезда. Мне ничего не остается, как пригласить Вадима на чашку кофе. Он прихватывает с собой пакет с полным джентльменским набором и отпускает машину. Я задаюсь вопросом: нравится мне это или нет? Так и не решив, сервирую стол. Вместо люстры включаю настольную лампу с амурами, в общем, создаю интимную обстановку.

Некоторое время мы в нерешительности сидим за столом и пьем шампанское, оба ощущаем неловкость и волнение, даже мой язык становится вялым, а мыслей просто нет совсем. В конце концов Вадим, собравшись с духом, выдает фразу типа «я скучал» и берет меня за руку. Только я собираюсь припасть к его груди, как в дверь настойчиво звонят.

– А нас нет, – почему-то шепотом говорю я. Мы насто-

роженно прислушиваемся, звонок дребезжит не переставая. Чутко спящий Петр Алексеевич идет открывать, и через двадцать секунд я слышу раскаты Лешиного голоса:

– Здорово, старец, Фенька дома?

– Дома, Леша. Вернулась.

– Пойдем к Феньке, Петр Лексеич.

– Леша, она ругаться будет. Гость у нее.

– А я что, муж? Я тоже гость.

Дверь в комнату распаивается, и появляется Лешка в голубой летной рубашке и зеленых слаксах, Петр Алексеевич пугливо выглядывает из-за его могучего плеча.

– Фенька! – радостно орет муж-летчик. – Приехала, радость моя, а я скучал. А чего вы в темноте сидите?

Никто, кроме него, такой вопрос задать не способен. Он включает верхний свет, бухает на стол шампанское и литровку водки и с братской улыбкой и протянутой рукой кидается к Вадиму.

– Здорово. Алексей, Фенькин муж, само собой бывший.

Вадим вяло называет свое имя, шаря взглядом по фотографиям на стене.

– Ну, что, ребята, – орет Лешка, – выпьем, что ли? Старец, хлеб есть?

– У Дуськи есть, – радостно отзывается Мин херц. – Я мигом.

Через три минуты он возвращается с хлебом и Дуськой, которая с порога заявляет:

— Опять ты Петьку спаиваешь? — но при виде Вадима меняется в лице и устраивает зад на кушетке.

Петр Алексеевич наливает по стакану водки мужикам и шампанское дамам. Лицо Вадима все это время хранит полупрезрительное выражение, однако свой стакан он хватил, не моргнув и не поморщившись. Леха, усмотрев в нем родственную душу, полез целоваться.

— Вадим, я вижу, мужик ты хороший, наш человек. А я Фенькин муж, бывший, бросила она меня, и правильно сделала, потому что я — горький пьяница.

Глаза у него затуманились слезой. Заплакать ему ничего не стоит, и я срочно вмешалась:

— Леш, ты бы спел.

— Спеть? Запросто. Вот выпьем еще по маленькой, и спою. Старец, подпевать будешь?

— Буду, Леша, буду. Люблю я тебя, как родного сына, — тоже со слезой сказал Мин херц.

— Озоровать начнешь — в милицию сдам, — встряла Дуська.

— Фенька, ты где так загорела? — вскинулся летчик.

— На юге, Леша.

— Так ты на юг ездила? Как там оно?

— Оно там неплохо. Ты мне как раз туда перевод посылал.

— Я? — удивляется он. — Не помню. А это точно я был?

— Ты, большие некому.

— Ну, ладно. А я все думаю, куда Фенька делась? Что, спо-

ем, старец?

Леха берется за гитару и затягивает «До свиданья, друг мой, до свиданья», Мин хериц с готовностью подтягивает, вслед за ним вступаем Дуська и я, Леишкин репертуар хорошо известен всему дому. Вадим не поет и смотрит как-то отрешенно. В момент, когда голоса наши слились в заключительном аккорде, дверь открывается и входит Олег Викторович: ранняя седина, настороженный взгляд и костюм в полоску.

– У вас входная дверь не заперта. Здравствуйте.

Взгляд Вадима возвращается к фотографиям на стене. Олег Викторович приближается к мужикам с протянутой рукой, а ко мне с братским поцелуем.

– Леха, ты когда уgomонишься? – обращается он к летчику.

– Да ладно. Выпьешь с нами? Есть повод, Фенька вернулась. Красавица моя...

– Наливай, – кивает Олег и устраивается за столом. – Чего у тебя случилось? – поворачивается он ко мне.

– Обокрали меня на юге, оставили без средств к существованию.

Леха заинтересованно вопрошает:

– Что, все сперли?

– Вчистую, – гордо отвечаю я.

– И как же ты?

– Да вот Вадим, спаситель мой, подобрал, накормил, обо-

грел.

Леха опять полез к Вадиму:

— Вадим, я сразу понял, что ты человек. Спасибо тебе за Феньку, что привез ее сюда, вернул нам, так сказать.

— Он не привез, — вношу я поправку. — Он живет в нашем городе.

— Так он специально за тобой на юг ездил? — не унимается Леха. — Ну, ты молодец, Вадим. Вот мужик, вот это я понимаю. Женищина в беде, человек все бросает и на юг. А я и не знал, а то бы тоже поехал.

— Ты мне перевод прислал, — напоминаю я.

— Правда? Не помню. Значит, и я молодец. Выпьем, мужики.

То, что Лешка успел забыть о совершенном им добром деле, меня несколько не удивляет. Между тем Олег оценивающе разглядывает Вадима, тот делает вид, что этого не замечает. Лешка хлопает Олега по плечу и говорит:

— Вот этот тип у меня жену увел. Другой бы ему в морду дал, а я его люблю, как брата. Потому что человек хороший. Фенька плохих не выбирает.

— Чего ты мелешь? — добродушно усмехается Олег. — Когда мы с Фенькой познакомились, вы уже развелись.

— Точно. А потом она и тебя бросила. Дурак ты, брат, такую девку проворонил.

— Ага, — хмыкает Олег.

— Чего «ага»? Скажешь, не проворонил? И не вздумай бол-

тать, что ни в чем не виноват. Все равно не поверю. Бабы от мужиков просто так не бегают.

– Бабы такой хитрый народ, – затягивает Мин хери, который испытывал к Олегу большое почтение.

– Умолкни, старец. Может, Фенька четвертую фотографию на стенку приляпать хочет, а ты лезешь. Не слушай его, Вадим, женись, Фенька – баба мировая, я бы сам женился, да она за меня не пойдет.

Хорошо, что времена, когда я краснела от смущения, давно прошли, я смотрю на Вадима и пожимаю плечами. Когда все хором обсуждают мои душевные качества, он, изловчившись, шепчет:

– Они что, сегодня все придут?

– Нет, – отвечаю я. – Первый не заглядывает. Хотя как знать, вечер сегодня занятный.

Обсуждение внезапно прерывает Леха. Мысли у него скачут, точно блохи, он хватает Олега за локоть и предлагает:

– Мент, купи пушку, а? Хорошая вещь, в хозяйстве пригодится.

Из-под летной рубахи Леха достает пистолет и кладет на стол. Дуська, взвизгнув, хватается за сердце.

– Ты совсем сдурел? – качает головой Олег, несмотря на выпитое, выглядит он абсолютно трезвым.

– Да ладно, чего ты, – отмахивается Лешка. – Вадим, может, ты купишь? Задешево отдам.

— Леха, — возвышает голос Олег, Лешка убирает оружие, рука его тянется к бутылке.

Далее вечер продолжался без особых событий. Лешка то пел, то лез ко всем целоваться, Олегу это вскоре надоело, и он поспешил откланяться. Вслед за ним отбыла в свою комнату Дуська, через полчаса задремал Мин хери, Леха, взвалив старца на спину, отнес его на родную жилплощадь. Вернувшись из похода, он с воодушевлением продолжил сватовство, предлагая Вадиму жениться на мне не раздумывая. Тот сверлил его особенным взглядом, который на Леху не действовал. Вадим вызвал меня в кухню и предложил:

— Слушай, давай я его вышвырну.

— Бесполезно, — качаю я головой. — Ты его вышвырнешь в дверь, он полезет в окно, потом начнет ходить сквозь стены или спрыгнет на балкон с парашютом.

После нашего разговора Вадим сменил тактику, вознамерившись Леху напоить. Бывший муж то пел, то байки рассказывал, то вдруг замирал с открытыми глазами, находясь в полной прострации, а очнувшись, задавал все те же вопросы, начисто забыв, что я на них уже отвечала. Провалы в Лешкиной памяти вещь обычная, он зачастую попросту не способен вспомнить, что делал пять минут назад, но Вадима это в отличие от меня здорово раздражало. Вконец устав от затяжной бессонницы, я бухнула доверчивому Лешке три таблетки снотворного в стакан и злорадно наблюдала за тем, как он пьет.

– Ты уверена, что он выживет? – спрашивает Вадим. – Доза лошадиная.

– Проверено. Выживет.

Через двадцать минут Леха засыпает в кресле. От непривычной тишины звенит в ушах.

– Извини, – говорю я Вадиму, убирая со стола. – Тебе давно пора домой.

– Никуда я не пойду, – отвечает он, косясь на Леху.

– Не беспокойся. Он пьет так лет семь и для дам совершенно не опасен.

– Я могу спать в кресле, – настаивает Вадим. В конце концов я ложусь на кушетку, Вадим на сдвинутые кресла, а несчастного Леху он сваливает на пол. Не веря своему счастью, я отхожу ко сну.

Утром я просыпаюсь ровно в девять: солнечный зайчик на стене и легкий шорох тюля на двери балкона. Я глубоко вздыхаю. Вадим поворачивается и открывает глаза.

– Привет, – говорю я. – Что дома врать будешь?

– Ничего, – улыбается он. – Некому врать. Жены у меня нет. Развелись шесть лет назад, сын – взрослый парень.

Я тоже улыбаюсь и спрашиваю:

– Не знаешь, чего это я так обрадовалась?

Он протягивает мне руку.

– Проснулись? – радостно вопрошает Леха, ворочаясь на полу, вчерашняя пьянка на нем никак не сказалась, человек бодр и весел. – Похмелиться надо, ребята, – резонно заме-

чает он и орет во все горло: – Старец, долго спишь, беги за бутылкой!

Через полчаса вчерашним составом, за исключением Олега, мы сидим за столом.

– Это надолго? – шепчет Вадим.

– Ты иди, когда все кончится, я позвоню.

– Ну, уж нет. В этом сумасшедшем доме я тебя не оставлю.

В 10.30 в нашей квартире появляется симпатичный молодой человек в форме летчика.

– Лешка, кончай загул, поехали в часть, – говорит он, поздоровавшись.

Сердце мое сладко замирает. Однако Лешка начинает сверкать глазами и гневаться.

– Еще чего, я к жене пришел. Человек я, в конце концов, или нет? Могу к жене прийти? Валька, пистолет купи, – внезапно меняет он тему. Вновь прибывший закатывает глаза и пытается воздействовать на Леху добрым словом.

Пререкаются они минут пятнадцать, побеждает мой бывший муж, однако в душу ему закрадывается печаль, он берет гитару и поет со слезой, доводя Петра Алексеевича, меня и Дуську до умиления. Когда мы уже готовы зарыдать, Лешка неожиданно вспоминает анекдот и пытается его рассказать. Но это ему не удается, так как дверь комнаты открывается и входит мой бывший свекр в погонах генерала.

– Батя! – радостно завопил Леха. – Садись.

– Раздолбай, твою мать, – отозвался батя. – Встал и бегом в машину.

Леха горестно вздохнул и побрел к выходу, бубня:

– Вот жизнь, никакой радости, одна служба.

Леха исчезает за дверью, Федор Михайлович со вздохом произносит:

– Извини, Фенечка. Давно он бузит?

– Не очень.

– В воскресенье не забудь, в пять, мы с Софьей Васильев-ной ждем.

– Обязательно буду, – заверяю я, а Леха внизу у машины истошно орет:

– Батя!

Дуся снимается с места, прихватывает Петра Алексеевича, а тот бутылку. Мы с Вадимом смотрим друг на друга и начинаем смеяться.

– Господи, неужели все? – вопрошает Вадим. – Бежим отсюда, пока кто-нибудь еще не явился.

– Давай, – соглашаюсь я.

– Поехали ко мне. Обещаю, никаких гостей.

Я торопливо собираюсь, но в дверь опять настойчиво звонят.

– Ты скажешь, что приема нет, или лучше я? – спрашивает Вадим.

– А я вообще открывать не буду.

Когда звонят четвертый раз, во мне пробуждается совесть, и я иду открывать. На пороге стоит сестрица Агата в летнем платьишке за четыреста евро, скромненько и со вкусом. Когда мы бываем вдвоем, Агатка совершенно нормальная, и я ее даже люблю, но видеть ее сейчас я не расположена.

– Привет, – говорит она. – Велено тебя доставить.

– А нельзя сказать, что меня нет дома? – подхалимски спрашиваю я.

– По-твоему, я на самоубийцу похожа? И вообще, чего это ты меня в квартиру не пускаешь?

– У меня мужик. Отобьешь еще.

– Как же, отобьешь у тебя. Мне на твоих пастбищах делать нечего. Гони мужика, и поехали.

– Помоги мне, не могу я ехать, честно, – канючу я, отжимая Агатку от двери: если Вадим ее увидит, мне придется сообщить, что мой папа прокурор, а мама занимает крутой пост в областной администрации. После этого он, скорее всего, сбежит. Я бы точно сбежала.

– Единственное, что я могу для тебя сделать, подождать минут двадцать в машине, – заявляет Агата, я распахиваю дверь, и мы сталкиваемся с Сережей, шофером Вадима.

– Феня, Вадим у тебя? – спрашивает он, таращась на Агатку, та впилась в него взглядом, причем на лице Сережи отчетливо читается «Таганка, я твой бессменный аре-

стант», а на ее лице «Наша служба и опасна и трудна».

— Он в комнате. — Я показываю на свою дверь, Агата удаляется, а я возвращаюсь к себе, там Вадим разговаривает с шофером. По его лицу я вижу, что поездка отменяется.

— Фенечка, — говорит Вадим. — У меня дела, срочные. Давай так, Сережа тебя отвезет и компанию составит, чтобы ты не скучала, а я, как освобожусь, сразу домой. Хорошо?

Перспектива проводить время с Серегой мне не улыбается, с собакой и то занимательней. Я объясняю, что меня ждут в отчем доме. Вадим согласно кивает, по всему видно, что его мысли далеки от меня.

— Стасу сказал? — спрашивает он Серегу.

— Да, через пять минут будет.

— Хорошо.

Я замечаю, как изменилось его лицо, жестче стало, что ли, теперь трудно поверить, что в эту ночь он терпеливо сносил Лешкины выкрутасы.

Мы выходим из подъезда, торопливо прощаемся, из-за угла дома появляется темно-фиолетовый «БМВ» и лихо останавливается возле Вадима. На четыре секунды передо мной возникает лицо водителя. Пока я бегу к Агате, Вадим садится в подъехавшую машину, Серега на «Мерседесе» срывается с места, а за ним, развернувшись, исчезает и «БМВ».

— Что это за публика? — спрашивает Агата, трогаясь. Я

пожимаю плечами.

— Черт их знает. Люди.

— А где Валерка, вы вроде бы хотели пожениться?

— Накрылся.

— Что у вас там произошло?

— Да ничего. Поссорились, он меня выгнал, без вещей, без денег, пришлось вас беспокоить.

— Так ты когда приехала?

— Вчера.

— И уже успела подобрать этого типа?

— Это он меня подобрал. — Я начинаю злиться.

— Что он за человек?

— Откуда я знаю?

— А что ты вообще знаешь?

— Ну, знаю, что зовут его Вадим, а его шофера Серега, еще у меня есть номер его мобильного.

— Черт-те что. Ты хочешь сказать, что спишь с мужиком, не имея представления, кто он?

— Да не сплю я с ним. Только вчера собралась, а тут вдруг Лешка нагрянул, перед твоим приходом его Федор Михайлович увез.

— Слушай, Фимка, этот тип за рулем...

— Сережа?

— Да нет, тот, что подъехал. Ты его знаешь?

— Нет, конечно, откуда?

— Кого-то он мне напоминает, — задумчиво говорит Ага-

та. – Не могу вспомнить. И ощущение мерзкое. Ты бы держалась от этой публики подальше.

Дверь квартиры открывает мама, миниатюрная женщина в домашнем платье и туфлях на низком каблуке. Выражение лица у нее такое, что любой дюжий мужик, столкнувшись с ней, торопливо свернет за угол, облегченно вздохнув.

– Здравствуй, Ефимия, – говорит мама и подставляет щеку для поцелуя. Я решаю, что для меня все не так плохо. – Папа в кабинете.

Мама с Агатой идут в кухню, а я к отцу.

– Можно?

Папа поднимается мне навстречу.

– Здравствуй, дочка. – Мы обнялись, и он меня поцеловал. Значит, в семье сегодня разыгрывается спектакль «Возвращение блудной дочери». – Что у тебя случилось на юге?

– С Валерой поссорилась и деньги потеряла. Извини.

– О чем ты? – Папа поднимает бровь. – Значит, замуж ты не выходишь?

– Пока нет.

– И то хорошо. А теперь объясни, что у тебя с работой.

Мне стало ясно, зачем меня так спешно вызывали. Папа с мамой лентяев на дух не выносят и не могут взять в толк, как подобное существо появилось в их семье. Каждый человек должен работать, приносить пользу обществу, любой труд почетен и все такое прочее...

– Вышибли меня с работы, – обреченно говорю я.

– Естественно, если ты там неделю не появлялась.

– Я была уверена, что этого никто и не заметит.

– Ефимия, о чем ты вообще думаешь? Ни работы, ни семьи.

– Агатка тоже не замужем, – злюсь я.

– Агата знает, чего хочет в жизни. А чего хочешь ты?

Я честно говорю, что не знаю. В течение часа мы беседуем, разговор совершенно бессмысленный, с моей точки зрения, но папа так не считает, в заключение он говорит:

– Надеюсь, ты в ближайшие дни решишь вопрос с трудоустройством. Скажем, до понедельника. Если тебе понадобится моя помощь, пожалуйста, не стесняйся.

– Костя, – зовет мама, – вы закончили? Обед на столе.

Так, мне еще предстоит семейный обед, что не радует. Мы сидим в столовой на своих обычных местах, и я подвергаюсь перекрестному допросу. Три юриста проводят его мастерски, большие всех старается Агатка. Из меня вытряхнули все про скандал на работе, ссору с Валеркой, жизнь на юге и планы на будущее. Хуже всего с планами. Мама, сурово глядя в мои глаза, заявляет, что у нее как раз есть для меня работа. Ну, уж это дудки, с 9.00 до 17.00 находится с дражайшей матушкой в одном помещении и ощущать ее заботу – этого я и врагу не пожелаю. И потому я говорю:

– С трудоустройством вопрос практически решен.

– Что ты собираешься делать? – сразу же вцепилась в

меня мама.

— Не хочу говорить, пока не устроюсь, но работа мне по душе.

Все трое переглядываются и вроде бы вздыхают с облегчением, обед заканчивается в атмосфере любви и взаимопонимания.

По дороге домой я тоскливо размышляю о папином ультиматуме. Мысль о том, что с понедельника придется отбывать трудовую повинность, приводит меня в ужас. Лето, жара, а я буду сидеть за скучным канцелярским столом в какой-нибудь конторе. Жаль, что я не вышла замуж, это ненадолго отвлекло бы моих родителей. Тут в голову мне приходит идея. Я торопливо сворачиваю в соседний двор, где находится наш ЖЭК, молясь про себя, чтобы господь послал мне удачу.

Господь меня услышал, и я перестаю быть позором семьи, вновь став трудящимся человеком. Получаю метлу, совок и ведро, веник придется купить самой. Управдом, дама лет пятидесяти, с огромным бюстом, показывает мне мой участок, он совсем рядом с домом, где я проживаю. Я вздыхаю с облегчением: ничто больше не тяготит мою душу.

Вечером Вадим не появляется, я размышляю, стоит ему звонить или нет, и решаю, что не стоит.

Рано утром трезвонят в дверь, но просыпаться я не собираюсь и накрываю голову подушкой. У меня возникает смутное ощущение, что кто-то заходит в мою комнату.

Оказывается, ощущение было правильное. Встав, я вижу на столе записку. «Фенечка, пришлось срочно уехать. Очень жаль. Вернусь, сразу зайду. Целую. Вадим». Вообще-то мне тоже жаль. Вздыхнув, я иду в ванную. Крана нет. Выдав несколько фраз из словаря завсегдааев пивнушки, что при- тулилась рядом с нашим домом, иду за отверткой. Что ни говори, а день начался скверно. Даже души радости мне не прибавляет. Шлепаю на кухню, на моем столе нахожу двухкилограммовый торт (шоколадный) и еще одну записку: «Ешь торт и помни обо мне». Что бы там Агатка ни говорила, а Вадим милый. Помнит о моих вкусах, нашел время купить торт, привезти его. Настроение мое заметно улучшается. Я пью чай, думаю о Вадиме и попутно решаю, что, как только он появится, запру дверь и окно и займусь с ним любовью.

Его нет до вторника. Жизнь моя в эти дни событиями не богата. По утрам я усердно мету свой участок, потом еду с подругой на пляж, часам к шести мы возвращаемся в город, одуревшие от солнца, и разбредаемся по домам. Я готовлю себе ужин, читаю, смотрю телевизор, когда есть что смотреть, совершаю длинные пешие прогулки на сон грядущий, то есть веду жизнь, которая мне нравится.

В воскресенье я появляюсь в доме моих бывших родственников, Лешкиных родителей, одетая, словно на прием к английской королеве. Даже Агатка ни к чему бы не смогла придраться. У Софьи Васильевны день рождения. Я вручаю ей

подарок с букетом цветов и удостаиваюсь поцелуя. Федор Михайлович считает, что я его всегда достойна, мы обнимаемся по-родственному.

Гостей немного, все люди близкие, перед которыми за Леику родителям давно не стыдно, он сидит в кресле почти трезвый и рад мне страшно. При первой возможности за-таскивает меня в свою комнату и спрашивает:

– За Вадима замуж пойдешь?

– Он не зовет.

– А если позовет?

– Пойду, а чего не пойти? Человек хороший, и отец велел на работу устраиваться.

– Ясно. Шла бы за меня, а? Хорошо ведь жили.

– Это с какой стороны смотреть.

– Может, я пить брошу. Вон батя сказал, кодироваться надо.

– Дурака-то не валяй.

– Ты меня просто никогда не любила, – обиженно говорит Леиска. – Я бы правда пить бросил.

– Это мы уже проходили.

Он обхватывает меня ручищами, прижимает к широкой груди и целует. Злиться на него совершенно невозможно, так же как относиться к нему всерьез.

– Отвяжись, – прошу я.

– А я тебя люблю, – голосом рассерженного ребенка говорит он.

– Так и люби, я ж не против, только не лезь.

– Ну и не буду.

Мы идем к гостям. Софья Васильевна пытливо на нас смотрит. Я улыбаюсь. Через пять минут улыбается и Леешка, злиться долго он не умеет. В девять я ухожу. Леешка порывается меня проводить, но Федор Михайлович рявкает «Марш в свою комнату» и провожает меня сам. Иногда я всерьез думаю, что замуж мне надо было выходить за свекра, но куда тогда деть Софью Васильевну и Леешку?

Во вторник к вечеру появляется Вадим.

– Ура! – воплю я и кидаюсь ему на шею. Он подхватывает меня, кружит в нашей огромной коммунальной прихожей и осторожно ставит на пол.

– Скучала? – спрашивает.

– Еще как. – Я целую его и получаю от этого большое удовольствие. Видимо, он тоже, потому что руки его становятся очень настойчивыми, а выражение лица ни с каким другим не спутаешь. – Чего-нибудь вкусное принес? – спрашиваю я.

– В машине. Поедем ко мне.

– Да никуда ехать не надо. Никто не придет. А придет – ты его с лестницы спустишь.

Пока он возвращается к машине, я быстро расчесываюсь, застилаю чистые простыни и ставлю чайник. Вадим появляется с шампанским, пакетом разнообразной снеди и боль-

ищущей коробкой конфет, которые я сразу же принимаюсь есть.

— Куда ездил? — спрашиваю я.

— А, так, неинтересно. Лучшие расскажи, чем ты занималась.

— Тебя ждала, чем же еще?

— Хорошо ждала?

— Сейчас увидишь.

Я подхожу к Вадиму, который за пять минут до этого устроился в кресле, и опускаюсь на его колени, подняв подол знойно-желтого платья. Не спеша растягиваю ремень на его брюках. Он улыбается, довольно ловко освобождая меня от лишних вещей.

— Ну и чего ты смеешься? — спрашиваю я.

— Пытаюсь сообразить, где у нас раньше мозги были.

Утром я просыпаюсь оттого, что Вадим ходит по комнате. Двигается он очень осторожно, но я все равно слышу. Однако открывать глаза мне совсем не хочется. Вадим наклоняется ко мне и шепчет:

— Фенечка, мне надо идти.

— Угу, — мычу я. Он целует меня, а я спрашиваю: — Ты меня любишь?

— Ну как же можно тебя не любить?

— Молодец, так держать. — Я обхватываю его за шею и притягиваю к себе. Он не брит, но мне это даже нравится.

– Я тороплюсь, – смеется Вадим.

– Ничего подобного. Будешь знать, как будить меня по утрам.

После его ухода я собираюсь как следует выспаться, но вдруг вспоминаю о родном участке. Меня охватывает жажда деятельности. Я встаю, иду в ванную: кран на месте. Утро чудесное.

К вечеру возвращается Вадим, мы ужинаем, занимаемся любовью, утром прощаемся, он уезжает, а я мету участок. В субботу Вадим на ночь не остается, уезжает часов в десять, когда появится – не знает, дела. Скорее всего, в понедельник. Я клянусь его ждать до понедельника.

Утром мне не спится, и уже в шесть я иду на участок. Улица пустынна. Тишина, и воздух какой-то особенный. Я замираю, опершись на метлу. Мысли мои чисты и прекрасны.

Тишину внезапно нарушают три машины, друг за другом мчащиеся по улице. «Вот придурки», – думаю я.

А машины, сначала та, что в середине, а потом и две другие вдруг останавливаются. Из средней выходит Вадим. Полная для меня неожиданность, между прочим. Лицо у него сердитое.

– Ты что делаешь? – спрашивает он.

– Улицу мету, – резонно отвечаю я.

– Зачем?

– Что значит – зачем? Я в ЖЭКе работаю.

– Помнится, ты на телевидении работала.

– Когда это было, меня уже выгнали.

– Так, – недовольно говорит Вадим. – Иди домой, часа через два я приеду.

– Ага, – только и успеваю сказать я и остаюсь наедине с метлой.

Едва я собралась позавтракать, вернувшись домой, как приходит Вадим. Выражение его лица мне не нравится, я сразу же вспоминаю, что за моей спиной три поколения прокуроров, и готовлюсь к бою.

– Что это за чертовщина с метлой? – спрашивает Вадим голосом моего отца.

– Я же тебе сказала: дворником работаю. Надо мне где-то трудиться. Это временно, до зимы. Снег пойдет, тяжело станет, я брошу.

Мне кажется, что я все объяснила очень доходчиво, но Вадим так не считает.

– Что ты за человек, черт возьми? Мужья-придурки, соседи ненормальные, метла эта дурацкая. Что ты из своей жизни балаган устраиваешь?

– Далась тебе эта метла, – канючу я. – Ну а мужа, что же теперь, топиться, что ли? Каких бог послал.

– Ты вообще серьезно говорить можешь? – спрашивает Вадим, и я с удивлением замечаю, что он повысил голос.

– Могу, но не буду. Ни к чему мне серьезно говорить, осо-

бенно о метлах и мужьях.

— Оставь этот дурацкий тон. Мне кажется, я имею право...

— Наверное, имеешь, — перебиваю я. — А я имею?

— Что?

— Я какие-нибудь права имею? Например, жить, как считаю нужным?

— По-твоему, это нормальная жизнь?

— Само собой. Если тебе необходима светская львица, так ты квартирой ошибся, львицы в коммуналках не живут.

— При чем здесь коммуналка?

— Хорошо, поговорим о норме. Для тебя нормально, когда женщина ждет, с вопросами не лезет, жизнью довольна и чокнутой не выглядит?!

— Послушай, разве я тебя чем-то обидел? — спрашивает он, сбавляя обороты.

Неожиданно мне становится невыносимо скучно.

— Ладно, — говорю я. — Извини. Я тут глупостей наболтала. Вообще у меня не все дома. Наш роман затянулся. Давай скажем друг другу до свидания.

— Ты это серьезно? — лицо Вадима становится неприятным.

— Вполне.

— Что-то я не очень понимаю.

— А чего тут понимать. Уходи.

– Та-ак, – Вадим садится в кресло. – Я не мальчик, обиженно в дверь ломиться не буду. Мне интересно тебя послушать. – Я молчу. – Давай, давай, – требует Вадим.

Дураку ясно, просто так он не уйдет. Я чеши за ухом и пытаюсь прикинуть, как от него избавиться.

– Тебя больно ранило, что я дворник...

– Не болтай чепухи.

– Хорошо. Значит, тот факт, что я об этом умолчала. Не стоило этого делать, согласна. Однако тебя тоже особо разговорчивым не назовешь. Я знаю, что зовут тебя Вадим. Наверное, и фамилия есть?

– Фенька, – перебивает он мои излияния, – а ведь мы с тобой ругаемся. Невероятно. – Он садится рядом со мной на корточки, берет мои руки в свои и улыбается. – Ну, чего ты? В самом деле хочешь, чтобы я ушел?

– Нет, конечно.

– Слава богу. Предупреждаю сразу: ты от меня не отделаешься. Я тебя люблю. Чокнулся на старости лет.

– Тоже мне старик.

– Ну уж и не юноша. И тебе пора за ум братьяся, а не с метлой бегать.

– Ты совсем как мой папа говоришь.

– А что он говорит?

– За ум надо братьяся. Еще, говорит, рожать пора. А то пройдет немного времени, и живот мне пойдет как седло корове.

– А что, правильно папа говорит. Можно прямо сейчас со всей серьезностью подойти к этому вопросу.

– Издеваешься? – спрашиваю я.

– И в голове не держу. Повесишь на стенку четвертую фотографию. Первый муж у нас кто?

– Журналист.

– Ну, вот: журналист, летчик, мент – достойная компания. На стенку рядом с ними не стыдно.

– Смейся, смейся, досмеешься.

Приходит пятница, мы едем на дачу Вадима. Именно там, в двенадцать минут третьего, стоя на балконе и задрав голову к звездному небу, я слышу:

– Фенечка, выходи за меня замуж. Я серьезно.

Через два дня мы скромно расписываемся при двух свидетелях: моей подруге Светке и приятеле Вадима по имени Павел. Своих родителей я решаю известить позже. Церемония завершается обедом на четверых в ресторане, а уже вечером мы отправляемся в свадебное путешествие. Жизнь представляется мне праздником, который будет длиться вечно...

– Фенька! – услышав свое имя, я вздрогнула от неожиданности. Из-за калитки на меня с недоумением смотрела соседка. – Ты чего сидишь как истукан?

– Пейзажем любуюсь, – ответила я, с трудом поднима-

ясь с насиженного места. Сколько прошло времени? Должно быть, немало. Солнце успело переместиться за крышу дома и спряталось в облаках. — Дождь так и не начался, — буркнула я и поспешила скрыться в доме, махнув тетке рукой на прощание.

На кухне я долго шарила в шкафах в поисках сигарет. Дело зряшное, Юлька давно и безуспешно пытается отучить меня от дурных привычек. Я потерла виски, силясь унять внезапную боль, прошлепала в ванную и встала под душ. Холодная вода стекала по затылку, не избавляя ни от головной боли, ни от мыслей о прошлом. Поняв всю тщетность своих усилий, я растерлась полотенцем, вышла из ванной, быстро оделась и написала Юльке записку: «Задание выполнила. Постарайся не беспокоить меня в ближайшие пару дней». В своем роде я уникум, у меня нет мобильного телефона. Разные люди дарили мне мобильные, но они через некоторое время куда-то исчезали. В конце концов я решила, что судьба против и я обойдусь без него.

От Юлькиной дачи до остановки маршрутки всего-то сотня метров, я как раз успела к отправлению одной из них. Устроилась возле окна, гоня прочь воспоминания и отлично понимая всю бессмысленность этих попыток. Через сорок минут я вышла неподалеку от своего дома. Квартира встретила меня гулкой тишиной, я отыскала сигареты в ящике стола, вышла на балкон, закурила и, откинувшись на спинку пластикового стула, закрыла глаза...

Дня за два до возвращения домой из свадебного путешествия кто-то позвонил Вадиму. После этого разговора моего мужа точно подменили. Хоть он и силится выглядеть веселым, однако сквозь неизменную улыбку отчетливо проступает озабоченность. Как примерная жена я не могу не обратить на это внимание.

– Что случилось? – спрашиваю я и получаю ответ:

– Все нормально.

– Может, поменяем билеты и вернемся раньше? – мило-стиво предлагаю я.

– Что ты, Фенечка, дела подождут.

Я пытаюсь расспросить его о делах, Вадим отвечает неохотно и весьма расплывчато. Впервые за все время меня посещает здравая мысль: а чем, собственно, занимается мой муж? Само собой, я помню, что он преуспевающий бизнесмен, вот только в какой области он преуспел? Мои настойчивые вопросы вызывают у него недоумение.

– Фенечка, моя работа – сплошная рутина, меньше всего мне бы хотелось говорить о ней на отдыхе.

– Так и быть, – решаю я. – Поговорим позднее.

В аэропорту нас встречает Сергей, я на заднем сиденье «Мерседеса» рядом с Вадимом, на мне сногшибательное платье. Вадим, как всегда, ласков и предупредителен. С четвертым замужеством мне повезло, даже родителям придется это признать. Мысли мои ленивы и приятны, я

то пребываю в сладкой полудреме, то прислушиваюсь к беседе, которую ведут Вадим с Серегой, но разговор какой-то неинтересный, а встречать я считаю неприличным. В конце концов я засыпаю.

– Фенечка, – Вадим гладит мое плечо, – приехали.

Я потягиваюсь и смотрю в окно. Мы в пригороде, я и не знала, что здесь целую улицу отгрохали, и когда успели? Дома выглядят симпатично, перед каждым зелененький лужок. Как в Америке (я там не была, но по телевизору видела).

– Который наш? – интересуюсь я.

– Прямо перед тобой.

– Это дворец.

– Так ты и должна жить во дворце, разве нет?

– Вообще-то я в коммуналке жила, но дворец тоже неплохо. Проживем. А кто в нем убираться будет?

Вадим смеется, настроение у нас превосходное.

– Уборщица приходит дважды в неделю, – сообщает он.

По тропинке, выложенной мраморной плиткой, идем к крыльцу.

– Ну, что, – говорит Вадим, – молодую жену в дом положено на руках вносить. Запрыгивай.

Я выполняю команду и оказываюсь в огромном холле, выдержанном в бело-синих тонах.

– Как тебе? – спрашивает Вадим.

На мой вкус, слишком много денег, но огорчать мужа мне

совсем не хочется, я делаю восторженные глаза, попутно прикидывая, смогу ли я вообще жить в таком доме. Места для меня явно многовато, так и хочется в шифоньер залезть. Тут одна из дверей открывается, и выходит тот самый тип, который однажды возник в окне темно-фиолетового «БМВ».

– Привет, – говорит он, и они с Вадимом обмениваются рукопожатием.

– Знакомься, Фенечка, это Стас, а это моя жена.

Я, выдав лучшую свою улыбку, протягиваю руку, открыто и сердечно глядя в глаза новоявленному знакомому. Меня хватает на две секунды, после чего сердечность из моих глаз исчезает, а вслед за ней в неизвестном направлении отбывает открытость. На смену им приходят чувства, которые я с трудом классифицирую. Одно могу сказать: ощущение неприятное. В животе вдруг противно заныло, и шерсть, если б она у меня была, непременно бы встала на холке дыбом. Я все еще силюсь произвести хорошее впечатление, при этом пытаюсь угадать, чем меня этот Стас так донимает.

Впервые в жизни я торопливо отвожусь взгляд в сторону, вещь неслыханная при моем врожденном чувстве независимости, которое кое-кто из недоброжелателей называет наглостью. Я несу несу – светную чушь и при этом жмусь к Вадиму. Слава богу, длится все это недолго, появляется Серега с чемоданами, а Вадим решает показать мне дом. На

первом этаже кухня-столовая, огромная гостиная, комната, которую Вадим называет гостевой, а также ванная и туалет. На втором этаже две спальни, кабинет Вадима, большая комната, которая вполне подойдет под детскую, а пока я сразу же решаю сделать ее своей, открытая веранда и еще одна ванная и туалет. Вместо того чтобы восторгаться, я спрашиваю:

– Вадим, это кто?

– Где?

– Внизу. Этот Стас, он кто? Что он вообще делает в твоём доме?

– В нашем, Фенечка. Стас – мой брат, двоюродный. Так вышло, что он сейчас живет у нас. Я тебя уверяю, он нам мешать не будет. Стас устроился в гостевой, наверх никогда не поднимается. Я почти всегда у себя, вряд ли ты будешь видеть его часто. Стас – золотой парень, совершенно безобидный.

– А этому безобидному здесь жить обязательно? – голо- сом моей мамы интересуюсь я.

Лицо Вадима приобретает выражение, которое я не люблю. К счастью, я редко вижу его на лице мужа.

– Он здесь живет. Эту тему мы больше не обсуждаем.

«Это мы еще посмотрим», – думаю я, однако замолкаю.

В тот день Стаса я больше не вижу. Мы очень мило провели вечер с Вадимом, я заметно подобрела и даже подумала, что демонстрировать неудовольствие поспешила.

Утром я долго сплю, Вадим часов в восемь уехал на работу, у него дела, а у меня дел нет. Придется их придумать. Я распаковываю чемоданы, раскладываю вещи по полкам, отправляю в стирку белье и ловлю себя на мысли, что очень не хочу спускаться на первый этаж. А, между прочим, я у себя дома. С чего я, собственно, взяла, что Стас здесь? Он мог уехать с Вадимом или вообще провалиться к чертям собачьим, чего я ему от души желаю. Ближе к обеду голод вынуждает меня отправиться на кухню.

Я грохочу кастрюлями, хлопаю дверцей холодильника и при этом пою. Однако каждые пять минут кошусь на дверь гостиной. Никаких признаков жизни. Я успокаиваюсь, всецело переключив внимание на готовку. Вот тут-то дверь и открывается. От неожиданности я глупо ойкнула.

– Привет, – говорю я. – Извини, не знала, что кто-то есть в доме.

Я успела сосчитать до двадцати, прежде чем он ответил:

– Ты у себя. – Низкий, хриплый голос.

– Ты обедал? – «Чего это я улыбаюсь, как дура?»

– Да, спасибо. – Он проходит, наливает чай, берет печенье в вазочке.

Я шарахаюсь к мойке, второй раз мою помидоры. Руки у меня дрожат. Чего я боюсь, черт возьми, чего? Сидит человек, пьет чай, на меня не смотрит. Зато я на него смотрю. Исподтишка. Короткая стрижка, волосы темные, тяже-

лый подбородок. Взгляд неприятный. Оказавшись под этим взглядом, против воли начинаешь ерзать. Крепкий парень, правда, не из тех, что пропадают в спортзалах, накачивая мускулы. Двигается легко, но сила в нем чувствуется немалая. Ну и что? Здоровых мужиков я не видела, что ли? Вадим, кстати, на хилого интеллигента тоже не тянет. Стас мазнул взглядом, в котором была усмешка, и у меня возникло подозрение, что он считает жену брата существом пустым, на которое время тратить жалко. Да ради бога.

– Ты мой портрет по памяти писать собираешься? – вдруг спрашивает он.

– Что?

– Кончай пялиться, вот что.

«Чтоб ты сдох», – хочется сказать мне. Конечно, я этого не делаю.

– Извини, – надеюсь, улыбка у меня естественная. – Не очень вежливо разглядывать человека, просто я любопытная. Не злись, ладно?

– И не думал.

– Салат будешь? – спрашиваю я, голос какой-то подхалимский.

– Нет. Идем, покажу кое-что.

Я плетусь за ним к входной двери.

– Дом на охране, – говорит Стас. – Запомни код.

Минут десять я осваиваю премудрости сигнализации, по-

сле чего мы возвращаемся в кухню. Я впереди, спиной чувствуя его взгляд. Мне совершенно ясно, что вдвоем нам в этом доме не ужиться, но в том, что здесь останусь я, уверенности нет никакой. Обедать мне уже не хочется, единственное, чего хочется, оказаться как можно дальше отсюда, и я иду наверх переодеться, собираясь покинуть дом. Не навсегда. Просто прогуляться. Когда я оказываюсь возле входной двери, рядом материализуется Стас.

– Куда ты?

– Хочу навестить родителей, – испуганно отвечаю я, заподозрив неладное.

– Вадим просил тебя побыть дома.

– Ничего подобного он мне не говорил.

– Зато мне сказал.

– Да пошел ты...

– Вадим вернется, вот его и пошлешь. А до тех пор, пока его нет, ты сидишь дома. Надеюсь, вопросов нет?

Вопросов у меня сколько угодно, но задать их я не успеваю. Стас берет вазочку с печеньем и исчезает в своей комнате. Входная дверь заперта, ключа у меня нет. Чертыхаясь, я возвращаюсь в кухню, хватаю трубку и звоню Вадиму. Ответить он не пожелал. Я придумываю ему оправдания, попутно строя грандиозные планы по освобождению своего дома от «золотого» парня. Если нельзя просто выгнать его в шею, будем искать обходные пути.

Кое-как перекусив, поднимаюсь на второй этаж. Еще од-

на попытка дозвониться до Вадима успехом не увенчалась. Собравшись с силами, я звоню Агате. Пора «сдаваться», то есть сообщить родителям об очередном замужестве. Для начала их надо подготовить, в этом смысле я очень рассчитываю на сестру.

– Привет, – говорит Агатка голосом мученицы.

– Как дела? – бодро спрашиваю я.

– У тебя или у меня?

– А что там такого с моими делами? – замираю я в недобром предчувствии.

– Папа убрал твою фотографию со стола, а мама заявила, что у нее больше нет дочери. Само собой, в виду имели тебя, я девочка хорошая. Не хочу тебя пугать, но, по-моему, ты допрыгалась.

– Чего такого я успела натворить?

– Замуж вышла, – усмехается Агатка.

– Ну и что? Не первый раз.

– Точно. Надеюсь, что не последний. Хочешь совет? Собирай вещички и рви к родителям. Авось простят, списав сей проступок на твою беспросветную глупость.

– Кинуться в ноги я всегда готова, вот только вещички собирать зачем?

– Ты за кого замуж вышла, дурища? – со вздохом вопрошает Агатка.

Данный вопрос и меня очень интересует, и я осторожно спрашиваю:

— А за кого? — Пауза. — Агатка, — зову я, — за кого я вышла замуж, а?

— В самом деле дурища, — констатирует она. — Прежде чем тащиться в загс, нехудо бы узнать, кто твой избранник.

— Бизнесмен, — робко вставляю я.

— Ага. Весьма авторитетный. Ты что, думала, отцу о зяте не донесут?

— Подожди, что значит авторитетный? — не на шутку пугаюсь я.

— То и значит. Бандит твой Вадим.

— Да ладно, хорош заливать. Не похож он на бандита. Приличный мужик...

— У отца на него досье на восемнадцати страницах. Этапы большого пути. Год назад он купил себе заводик и заделался бизнесменом, но суть от этого не меняется. На хрена козе баян, а родителям зять с такой репутацией?

— Вот черт, — бормочу я в полнейшем отчаянии. — Слушай, если он сейчас бизнесмен, так, может, и обойдется?

— Может, и обойдется. Но к родителям или с вещами, или лучше повремени. Я попробую донести до их сознания, что ты вляпалась по недомыслию. Хотя незнание от ответственности не освобождает и глупость не является смягчающим обстоятельством. Ты замуж пошла, чтоб от работы откосить, или у тебя любовь?

— Вроде была любовь до разговора с тобой. Если честно,

он мне и сейчас нравится. Ей-богу, нормальный мужик...

— Ладно, будем считать, что он перевоспитался. Предки в тебе души не чают, думаю, простят. Опять же, дурные привычки неискоренимы, так что, скорее всего, твой брак продлится не дольше предыдущих. Как тебя угораздило, чу-чело? Раньше тебя на плохих парней не тянуло, Леха хоть и алкаш, но душевный.

Я пожаловалась на злодейку-судьбу, Агатка посочувствовала. Тут бы нам и проститься, но я неожиданно говорю:

— Помнишь того типа, что подъехал к моему дому? Его зовут Стас.

— И что?

— Ничего. Он у нас живет. Вадим сказал, что это его двоюродный брат. Сидит, зараза, в своей комнате...

— А фамилию этого типа ты не знаешь? — теперь голос Агатки звучит серьезно, я чувствую ее беспокойство.

— Нет, а надо?

— Пытаюсь вспомнить, где я его видела.

— Фамилию я узнаю.

— Фенька, может, все-таки наплюешь на любовь — и к родителям?

— Я подумаю.

— Ладно, пока, — говорит Агатка. — Ты, конечно, дура редкая, но я тебя люблю.

Признание для сестрицы совершенно невероятное, зна-

чит, плохи мои дела.

В шесть в доме появляется Вадим; услышав, как он зовет внизу «Фенечка», я выплываю из комнаты, готовясь к бою. Муж заключает меня в объятия и целует в макушку.

— Есть что-нибудь перекусить? — спрашивает он. Я решаю сначала накормить его, а уж потом выяснять отношения. Пока я сервирую стол, он заглядывает к Стасу. В гостевой он пробыл минут десять, в кухню возвращается с таким выражением на лице, будто готовится, как и я, к бою. Однако говорит ласково:

— Как провела день?

— Скверно. Хотела навестить родителей, но твой Стас сказал, что я должна сидеть дома. В самом деле должна?

— Видишь ли, сейчас у меня непростой период, кое-какие проблемы. Лучше, если некоторое время Стас будет рядом с тобой.

— Это в каком же смысле? — уточняю я, непроизвольно уперев руки в боки и одаривая мужа суровым взглядом.

— Считай его своим охранником, — улыбнулся Вадим.

— Вот уж в ком я точно не нуждаюсь...

— Так мне будет спокойнее. Он приглядит за тобой, пока ситуация не изменится.

— А что там с ситуацией?

— Спорные вопросы. В бизнесе такое случается.

— Кстати, о бизнесе. Ты мне так и не рассказал, чем занимаешься.

– Ты ведь сегодня звонила сестре? – вопрос повис в воздухе. Выходит, Стас подслушивал наш разговор и донес Вадиму. «Тем лучше», – решаю я. – Фенечка, ты кое-что забыла мне сообщить, – продолжает Вадим. – Папа у нас с тобой кто?

– Папа – Завьялов Константин Викторович, – вздыхаю я.

– О нашей маме я не спрашиваю, фамилия в городе известная. Возможно, твои родители не придут в восторг от такого зятя, как я, однако хочу напомнить, что в городе вряд ли найдется с десяток серьезных бизнесменов с образцовой биографией. Что бы ни было с моей – все в прошлом. Думаю, твои родители немного успокоятся и с пониманием отнесутся к твоему выбору.

– Ты плохо знаешь моих предков, – хмыкаю я.

– Тогда им придется смириться, – улыбается Вадим, кажется, он и мысли не допускает, что я могу последовать совету сестры. – Поверь мне, – серьезно говорит он. – Все будет хорошо. Вот увидишь.

Только я собираюсь возразить, как он хлопает себя по лбу в притворном удивлении.

– Совсем забыл, у меня же для тебя свадебный подарок.

Он берет меня за руку и ведет в гараж. Гараж большой, в нем свободно разместились три машины: «Мерседес», «БМВ» и «Ауди». Вадим подводит меня к «Ауди» и жестом фокусника достает из кармана ключи с золотым брелоком. Протягивает мне.

– Это взятка? – хмуро интересуюсь я.

– Это подарок. У тебя ведь есть водительское удостоверение?

– Есть.

– Пока поездишь со Стасом.

– С какой стати?

– Фенечка, я ведь все объяснил. Разве нет? – Вадим заключает меня в объятия и через мгновение шепчет: – Я люблю тебя.

Я пытаюсь решить насущный вопрос: люблю ли его я? Выходит, люблю, потому что спорить с ним совсем не хочется. Хоть «Ауди» и классная тачка, но не настолько, чтобы я, прельстившись ею, решила остаться. Значит, все-таки любовь. Мысль вернуться к родителям, признав, что в очередной раз я свалила дурака, вызывает у меня протест. Вадим прав, вряд ли многие бизнесмены могут похвастать особой честностью, об этом еще основоположник марксизма писал. И родители во мне души не чают, хоть я и паршивая овца. «Все как-нибудь устроится», – сияя улыбкой, думаю я и эдаким бодрячком возвращаюсь в кухню кормить мужа.

Ночью я просыпаюсь от холода. Окно открыто настежь, идет дождь, сыро, а мы лежим под простыней. Вадим спит, раскинув руки, и я вновь задаюсь тем же вопросом: люблю ли я его? Наверное, если я его жена и хочу быть с ним. Я

наклоняюсь и осторожно целую его. Потом сижу в постели и смотрю на мужа. Спать мне совершенно не хочется. Накидываю халат и спускаюсь в кухню. Включая чайник, стоя спиной к двери, достаю мед из шкафа. Стас вошел абсолютно бесшумно, в этот момент я и обернулась. От неожиданности вскрикнула, шарахнулась в сторону, поскользнулась на гладкой плитке и грохнулась на пол.

Вместо того чтобы подняться, я ударилась в панику: черт знает с чего и, смешно подпрыгивая на том месте, что ниже спины, отползла в сторону, тараща глаза на Стаса. Дура, прости господи. Он сделал ко мне шаг, потом еще один, а я заорала. Стас протянул руку:

– Вставай.

Тут до меня дошло: он просто хочет мне помочь. А я что подумала? Что у него в руке, которую он за спиной прячет? Я подаю ему руку. Она дрожит, как у алкоголика со стажем, и вид у меня, надо полагать, обалденный: халат распахнут, грудь наружу, коленки поджаты.

– Я просто хотела пить, – говорю я, слегка заикаясь.

Чайник со щелчком выключился, Стас наливает кипяток в чашку, потом заварку.

– Пожалуй, выпью сок, – говорю я, распахивая холодильник. Пакет выскальзывает из рук. Я смотрю, как вишневый сок стекает по моей груди. Стас берет полотенце и протягивает мне. Я не могу оторваться от его глаз, его рука с зажатым полотенцем замерла возле моей груди.

– Не смей! – ору я. – Не смей на меня так смотреть!

Я бегу по лестнице, перескакивая через три ступеньки, в дверях спальни сталкиваюсь с Вадимом.

– Что случилось? – У него испуганное лицо.

– Я хотела пить! – ору я. – Я хотела пить, и тут вдруг он. Господи, я не могу жить с ним в одном доме. Какого хрена он так смотрит?

Вадим обнимает меня.

– Фенечка, успокойся. Просто Стас вошел неожиданно, и ты испугалась.

– Прогони его, слышишь, прогони его или...

– Фенечка, – перебивает Вадим, – не говори того, о чем потом можешь пожалеть.

Я замолкаю с приоткрытым ртом.

Мне снится сон. Я лежу, вытянувшись в постели, и волна страха накатывает на меня. Мой слух фантастически обострен. Я слышу, как Стас ходит: по-звериному тихо. Это невозможно, но я слышу его дыхание. Он дышит тяжело... вдох... выдох... Я слышу, как стучит его сердце. Оно стучит очень громко, и мое начинает биться с ним в такт. Мне хочется кричать, я хватаю Вадима за руку и просыпаюсь.

Утром я загораю на веранде, нацепив наушники. Шляпа надвинута на глаза. Нормальная жизнь. Идиотская. Родная коммуналка сейчас кажется мне лучшим местом в ми-

ре. Я всерьез подумываю сбежать. Вышла замуж, так и не рыпайся, дура стоеросовая. Все хорошо. Лежу, слушаю Шопена. Как же это меня в четвертый раз угораздило? Надо позвонить Агатке, только сначала узнаю фамилию Стаса. Проще всего спросить об этом Вадима. Почему бы и нет? Вполне естественно. Черт, я не решаюсь спросить мужа о фамилии его брата. Это как вообще называется? Очень удачное замужество, вот как. Ладно, с фамилией разберемся своими силами.

Подходящий случай представился вечером. Я на кухне готовлю ужин, вижу в окно Стаса и Вадима, они идут к гаражу. Минут пять у меня есть. Я распахиваю дверь в комнату Стаса, сердце стучит где-то возле горла. Осматриваюсь. Комната как комната. Я кидаюсь к шкафу, торопливо открываю ящики. В четвертом сверху лежит паспорт. Малахов Станислав Игоревич, родился в Риге. Голоса за окном. Ящик закрыт, я возле двери, глубокий вдох, и через мгновение я в кухне. Ощущение такое, будто я пережила смертельную опасность и сделала что-то значительное. Смех, да и только. Я ухмыляюсь и пою. Они входят друг за другом, разговаривают, я не прислушиваюсь.

– Чай будете? – спрашиваю я.

– Да, – бросает Вадим, Стас вдруг посмотрел на дверь своей комнаты, а потом на меня. И тут я замечаю, что второпях дверь закрыла неплотно. Я замираю на целых тридцать секунд. Ну, и что ты смотришь, что ты там в

моем лице надеешься отыскать? Я к твоей комнате и близко не подходила. Однако взгляд его выдержать трудно, я поворачиваюсь спиной, повод есть – достаю заварочный чайник. Смотрю в стену перед собой и напеваю. Когда я разливаю чай, лицо мое, как мне кажется, совершенно непроницаемо. На Стаса я не смотрю, болтаю с Вадимом о всякой чепухе. К примеру, масло у нас кончается, и пива осталось четыре банки, а Вадим пиво любит. Однако как я ни старалась, а один раз наши взгляды все-таки встретились. Стас смотрел с ухмылкой, крупные белые зубы вызывали стойкую ассоциацию с волчьим оскалом. Ну и ухмыляйся на здоровье, что ты мне сделаешь? Даже сказать ничего не скажешь. Сиди и молчи. Нисколько я тебя не боюсь.

После чаепития я поднимаюсь наверх и звоню Агатке. На этот раз по мобильному, радуясь очередному подарку Вадима.

– Нет у твоего мужа никакого двоюродного брата, – с места в карьер сообщает сестра. – Бывшая жена и сын, тебе ровесник. Большие никаких родственников.

Новость меня не удивляет.

– Фамилия Стаса Малахов, – сообщаю я. – Малахов Станислав Игоревич.

– О, черт! – восклицает Агатка. – Как же я его не узнала?

– Кто он? – спрашиваю я.

– Помнишь мое первое дело? Я тогда у Алексеева в помощницах ходила?

Еще бы не помнить, Агатка мне с ним все уши прожужжала. На процессе она защищала убийцу, который, по ее мнению, вовсе им не был. Сестра тогда выложились, провела свое расследование. У нее появилась собственная версия, вот только доказательств не было. У настоящего убийцы имелось железное алиби. Агатка ужасом вертелась, но добилась лишь смягчения приговора. Слегла на неделю от горя, что человек ни за что в тюрьму пойдет.

– Ну и с какого бока там этот Стас? – проявила я интерес.

– Убийца твой Стас. Наглая сволочь. Ухмылялся так гаденько. Я к нему после суда подошла и сказала: «Я знаю, ты убил, ты».

– А он что?

Темперамент у моей сестрицы будь здоров, могу представить, как она ему это выдала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.